

В А Д И М Ю Р Я Т И Н

ДОНАЛДЫ

Вадим ЮрЯТИН

ДоНальдЫ

«Эдитус»

2018

Юрятин В.

Дональды / В. Юрятин — «Эдитус», 2018

ISBN 978-5-00058-901-4

...Впервые я увидел иностранную жевательную резинку за два года до конца перестройки. Из-под щелей обветшалою железного занавеса задувал тогда к нам ветерок, которому удавалось занести с собой то видеокассеты, то джинсы, то еще какое-то барахло, которого так не хватало, а тогда не хватало решительно всего. Но нам, последнему поколению советских пионеров, важнее было, что сквознячок тот западный, позднеперестройский, для кого-то ставший впоследствии ветром перемен, для кого-то – ураганом, разрушившим великую страну, притащил к нам, в уныло-серо-зеленый провинциальный город, жвачки...

ISBN 978-5-00058-901-4

© Юрятин В., 2018

© Эдитус, 2018

Содержание

«Дональды»	5
Из жизни уродов	11
Кактус	14
Устройство мира	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вадим Юртин

Дональды

«Дональды»

Рука цыганки извлекает из сказочно-пестрого нутра своего три продолговатых предмета, я хватаю их, зажимаю в ладони и начинаю бег. Краем глаза вижу своего противника, который пытается меня настигнуть. Ныржаю в подземный переход, мелькаю меж чьих-то пальто. Мой друг топчет рядом, тяжело дыша ртом, а преследователь, кажется, отстал. Мы надеемся отдышаться на остановке, но вот подходит троллейбус, и толпа, едва дождавшись открытия дверей, штурмует транспорт. Две жвачки я прячу в карман, а третью разворачиваю, несмотря на неудобства. Одновременно и жую, и вглядываюсь в картинку. Рядом жует и вглядывается мой друг. Через пару секунд мы одновременно поворачиваем головы друг к другу: «Что там у тебя?»

Впервые я увидел иностранную жевательную резинку за два года до конца перестройки. Из-под щелей обветшалого железного занавеса задувал тогда к нам ветерок, которому удавалось занести с собой то видеокассеты, то джинсы, то еще какое-то барахло, которого так не хватало, а тогда не хватало решительно всего. Но нам, последнему поколению советских пионеров, важнее было, что сквознячок тот западный, позднеперестройский, для кого-то ставший впоследствии ветром перемен, для кого-то – ураганом, разрушившим великую страну, притащил к нам, в уныло-серо-зеленый провинциальный город, жвачки.

Они были двух видов: сирийские «Дональды» по рублю и турецкие «Турбо» по полтора. Продавались, конечно, и наши, отечественные, аналоги вкупе с какими-то вариантами из стран соцлагеря, но «Дональдам» они проигрывали совершенно. Дело тут даже не во вкусе, хотя, конечно же, «вражеские» жвачки чудесно пахли и таяли во рту непревзойденно, а в том, что... Много всего. Ну вот хотя бы внешний вид: наши, социалистические, жвачки представляли собой безликую продолговатую коробочку, в которой помещалось, помнится, пять засахаренных пластинок, завернутых в также совершенно безликую обертку: с одной стороны – серебристая фольга, а с другой – белая бумага. Западные же (впрочем, какие же они западные, сказал

ведь, что турецко-сирийские, а это в чистом виде Восток; да ладно, чего цепляться к словам, тогда все чужое было западным) жвачки, мало того что продавались в красочной упаковке с Дональдом Даком или, в случае с «Турбо», гоночной машинкой, внутри себя они вмещали еще и чудо чудное – вкладыш. Жевались «Дональды» долго, так что даже после ночного перерыва, пережив период окаменелости на столике или, как в моем случае, на крышке пианино, на следующий день были вполне себе работоспособны, постепенно размягчаясь во рту обладателя, бесконечно меняя форму и даже надуваясь в пузыри, не в пример отечественным конкурентам, которые через пару часов использования начинали рваться, мутировать, разлагаться и напоминать в конце своего жизненного пути обмотанных бинтами мумий из фильмов ужасов, которые тогда всюду уже крутили в видеосалонах. Впрочем, вкус, запах, даже вожделенный вкладыш – это, думается, не главное. Что-то было еще в них, этих «Дональдах» дурацких, что заставляло нас, двенадцатилетних мальчишек, в далеком 1989 году, не сделав домашнего задания, не поев даже и вообще наплевав на все, сразу после школы мчаться через весь город к центральному колхозному рынку, где на заветном пятачке перед входом темноглазые, замотанные со всех сторон в пуховые платки цыганки торговали ими.

Почему цыганки? Откуда они их брали? Понятно, что чистая контрабанда и нарушение всех советских законов, но торговок никто не трогал, суровые милиционеры демонстративно не появлялись поблизости, так что тетеньки эти, или, как пацаны у нас говорили, тѣханы (вот ведь слово! А мужская половина человечества именовалась, соответственно, дяханы.), вели свой бизнес спокойно. Непокойно было нам, обычно двум-трем мальчишкам, отправлявшимся в поход за «Дональдами». Одно дело – купить жвачку и совсем другое – ее сохранить, чему старались помешать крутившиеся здесь же, невдалеке от пятачка, подростки. Их было не то чтобы много, но они точно превосходили нас возрастом и силой. Как только сделка купли-продажи совершалась, и цыганская рука, вынырнувшая откуда-то из-под цветастых платков, втискивала в твою вожделеющую руку долгожданный прямоугольничек, они, эти злые и жестокие парни, пытались, окружив нас, отобрать жвачку силой. Мы не давались, сопротивляясь как только могли, только что, собственно, мы могли? Лучший способ сохранить свое сокровище – бежать, и мы бежали. Самые опытные покупатели начинали сверкать пятками, не мешкая ни мгновения, сразу же после обретения желаемого, это чем-то напоминало бег спринтеров, передающих друг другу эстафетную палочку. В руках была, конечно, не палочка, а «Дональд» или несколько «Дональдов». Ветер, крики негодяев за спиной, мелькание огней, подземный переход, еще немного, вот здесь конец маршрута – троллейбусная остановка. Тут злые подростки уже не решались к нам подкатить, вокруг были еще более злые советские люди, пытавшиеся втиснуться в скрипящие двери общественного транспорта, – значит, мы спасены!

Расплющенные пассажирами, придавленные к поручням, стеклам, каким-то коробкам, с рынка всегда что-то везли в коробках, мальчишки ехали домой. Охота удалась, мы предвкушали пиршество.

Рубль, который мы тратили на «Дональд», обычно формировался из несъеденного школьного столового обеда, неотъемлемой частью которого была капуста, совершенно перетушенная до состояния повидла, правда, горького и к тому же противно коричневого цвета (не решусь сказать, на что это походило внешне), еще переваренные яйца с темно-синими желтками (вот подумал, что тогда, скорее уж, синьками), а также слипшиеся в склизкий улиточный комок макароны и еще всякое такое. Родителям эта традиционная школьно-советская трапеза обходилась в рубль двадцать в неделю, то есть по двадцать копеек в день, или в пять целковых сразу за весь месяц. Деньги передавались чадам, то бишь нам, ну а мы голодали и копили. Получается, что «Дональд» обходился нам в пять несъеденных обедов, а «Турбо» – вообще в семь с половиной.

Да что там обеды! На рубль можно было целых десять раз сходить на мультик «Ну, погоди!», тридцать три раза сгонять туда-сюда по городу на гремящем трамвае и столько же

раз выпить газировки с сиропом из автомата (да еще бы и одна копейка осталась на стакан без сиропа), съесть пять чудесных пломбиров, купить кучу пулек в тире (не помню, сколько они стоили, вроде две копейки за выстрел), можно было сгонять в парк Горького и прокатиться там несколько раз на каруселях, но вместо всего этого мы почему-то пускались в опасное путешествие с цыганками, злыми подростками и расплющенностью тел в троллейбусе. Мы лишали себя стольких удовольствий ради одного рублевого «Дональда», который, кстати, если уж продолжать сравнительную математику цен, стоил, получается, в десять раз дороже одной нашей, «красной», жевательной пластинки, это которая, помните, я говорил, рвалась быстро и продавалась по пятьдесят копеек пачка.

А по одному «Дональду» мы, вообще-то, почти никогда и не брали. Если уж гулять, то по полной, мы ж русские, хоть и пионеры! Да и стоила бы вся эта кутерьма с беготней одной жвачки? Так что отвесьте мне, пожалуйста, дорогая цыганочка, пару «Турб» и три «Дональда»!

Восторг, который охватывал нас после того, как разворачивалась обертка, не сравним был ни с чем! О, этот запах, о, вкус этот незабвенный! Закрываю глаза и исхожу слюной через тридцать почти лет. Некоторые, конечно, не выдерживали, дети все же, и к пиршеству приступали немедленно, здесь же, посреди локтей и «следующая-остановка-улица-ленина-проходим-не-задерживаемся-двери-закрываются», но большая часть держалась. Так и шли, стиснув кулаки, пока не пересекали порог дома. Лучше, кстати, пересекать его так же, как и ехали, – всем вместе, чтобы заценить у друга вкладыш.

Вкладыш! Кадр из диснеевского мультлика, где утенок, или мышонок, или еще какой-то зверь смешнучий чего-то делали свое мультяшное, мини-сценка из приключений неизвестных нам в то время героев. Рисунок, перегнутый пополам изображением внутрь. Стоишь в наполовину снятых ботинках в прихожей у друга со ртом, набитым белой сладкой рельсой, и то к себе заглянешь во свежераскрытый вкладыш, то к нему. А потом можно было вторую развернуть, третью, но не жевать пока, нет, а только лишь вкладыш позирить. Приходить домой надо было, конечно, до появления наших родителей, чтобы не нарваться, чтобы не пришлось объясняться, откуда, да зачем, да куда потратил. Матери наши работали обычно с девяти утра до шести вечера в том, что позднее будут именовать офисами, а отцам было сложнее: они обычно вкалывали посменно, так что график поездок за «Дональдами» надо было планировать заранее.

«Пионерская зорька» из радиоточки с утра, во время завтрака, и «Пионерская правда» со своих страниц уже ближе к вечеру, после уроков, сообщали нам о пресмыкательском поведении гамщиков, наших сверстников из Москвы и Ленинграда, которые, презрев достоинство советского человека, выпрашивали бабл гамы (потому и гамщики), то есть жевательные резинки, у пребывавших в СССР иностранцев. А мы ведь так не должны! Мы же с вами, товарищи, хоть и маленькие, но граждане, мы же все несем в себе частичку нашей Родины!

Послушав «Зорьку» и полистав «Правду», мы делали выводы: надо искать иностранцев. Советские СМИ вообще приучали к двойной морали и вранью с самого детства.

Решить-то мы решили, да только где ж их было взять, иностранцев этих чертовых, в нашем закрытом городе, сплошь состоявшем из промзон, в которых тысячи людей производили пушки, снаряды, торпеды, танки и еще что-то такое, из-за чего моего отца, да и всех отцов моих одноклассников, они ведь тоже работали в каких-то наглухо секретных цехах, не пускали отдохнуть по-человечески на юг, дескать, граница государственная рядом. Так и представляю себе караван из надувных лодок, в которых наши отцы гребут из Одессы в сторону Турции.

Отвлекаясь немного, чтобы закончить тему, расскажу как анекдот, что родителя моего почему-то, несмотря на строгую закрытость южно-морского направления, тем не менее охотно выпускали в Западную Украину, где он потреблял, как сам говорил тогда, полезные воды Трускавца и рассматривал древние улочки Львова. Сейчас-то я понимаю, конечно, чего он там потреблял и рассматривал, ну да ладно. Отец приезжал с родины своих предков довольный и загорелый, а подвыпив, распространял в нашей коммуналке идеологию УПА и вставлял в

речь забавные славянские словечки, которыми когда-то разговлял мой дед. Так вот, завершая отступление: получается, что возможность бежать из Закарпатья советская власть своим крепостным, приписанным к заводам, давала, видимо, понимая, что бежать оттуда все равно придется в соседний концлагерь, польский или чехословацкий.

Обсудив в нашем кругу новости пионерских СМИ, мы, в общем-то небезосновательно, решили, что иностранцы должны были водиться где-то в самом центре города, а именно: или около высотки – здания обкома, или у располагавшегося рядом Дома политпросвещения. Каких-либо конкретных планов мы не разрабатывали, что делать в случае внезапного появления требуемого иностранца, не знали, полагая, что разберемся на месте. Все-таки авось – это наше, родное с младых, так сказать, ногтей. Несколько раз мы приезжали к означенным объектам архитектуры, бродили небольшой компанией по площади в центре города в тщетной надежде услышать нерусскую речь. Но никаких иностранцев в наших краях, повторюсь, не водилось. Стать гамщиками – ловцами халявы – нам не удалось.

Ветерок тем временем стал задуть сильнее, уже слышен был свист из всех щелей. На уроках политинформации, были в СССР такие специальные, для детей, еженедельные пятнадцатиминутки ненависти, мы еще бормочем про то, что румынский народ в очередной раз проголосовал за Чаушеску, что руководство нашей страны последовательно выступает за сокращение ядерного потенциала, а на переменах уже вовсю пересказываем злобные реплики родителей про власть, съезд и талоны.

Еще мы меняемся вкладышами.

Вкладыши были нашей детской валютой. На них можно было купить, а точнее обменять, все. На один вкладыш можно было выменять пару шариков для пинг-понга или батарейку, а на несколько редких вкладышей – уже и целый фонарик. Бойкая торговля вкладышами процветала, формируя капиталы, бережно хранимые в металлических коробках из-под конфет.

Ко всему прочему, вкладыш можно было выиграть. Игра так и называлась – «Во вкладыши». Играли обычно вдвоем, хотя бывали и исключения. Правила такие: берешь вкладыш, переворачиваешь его лицевой стороной (мультишкой) вниз и бьешь по нему ладонью, стараясь перевернуть. Если перевернул, а соперник твой – нет, ты приобретаешь право на второй, решающий, удар. Так же кладешь, только уже не один, а два вкладыша, свой – сверху, чужой – снизу, и снова бьешь. Перевернул оба – вкладыши твои. Боже мой, какие это были битвы! Состояния создавались и проигрывались в течение десяти отведенных нам минут на партах, а то и просто на подоконниках в коридорах. Как и во всякой игре, здесь важна тренировка, поэтому мы проводили время в бесконечных войнах сами с собой. Парты сотрясались от ударов ладоней, вкладыши летели вверх и красиво переворачивались, словно порхая крыльями в воздухе.

Во время длинных январских каникул в новом 1990 году в районном нашем кинотеатре для школьников устроили показ диснеевских мультиков. Сначала нам, детям, битком набившим зал в ожидании показа, что-то долго и нудно рассказывала какая-то женщина, наверное, сотрудница районо или чего-то там культурно-массового. Что говорила она, не помню, затуманился взор со временем, оперативная память мозга выкинула ненужные файлы из моей головы. Наверное, там, в речи культмассовой тетеньки, было про Уолта, в нашей стране именуемого Диснеем, хотя правильно-то, конечно, Дизни, про его труды, среди которых на первом месте – мультики, а на втором – борьба с коммунизмом. Мы не слушали. Зал гудел, несмотря на цыканье учителей, все ждали, когда же погаснет свет и зажужжит тихонько мотор кинопроектора. Черно-белые Дональд, Микки-Маус, Гуфи и их друзья забавно прыгали, игрались и пищали, цветные гномы хоронили Белоснежку, мы смотрели истории, предназначавшиеся поколениям наших отцов.

Отцы тем временем становились все злее, в их разговорах звучало слово «конверсия», в их глазах виднелись усталость и страх перед будущим. Матерей начали сокращать из серых, ненужных контор с плановыми отделами и *этажерками*, заполненными цветами в горшках.

Кто-то из старших классов пустил слух, что «Дональды»-де можно спокойно купить в Доме офицеров. Дескать, дурачье вы, малышня, по рынкам бегаєте за цыганками, а нормальные-то люди давно уже «Дональды» в цивильных местах покупают без всяких проблем. Где? Где этот Дом офицеров?! Как пробраться в твои райские кущи, где продадут нам, красногалстучным, волшебные кусочки сладкого каучука?!!

В тридцатиградусный мороз мы тащимся в холодном трамвае, да еще и с пересадкой, находим нужный дом и с трудом открываем тяжелую дверь. Бродим по коридорам и залам, обращаемся к ничего не знающим вахтершам. Те гонят нас прочь, с верхних этажей на нижние, из залов в коридоры, пока не выгоняют совсем вон, обратно в морозный вечер, где пар изо рта и машина снегоуборочная крутит свою круглую мохнатую щетку.

Дурни вы, дурни! Малолетки вы, малолетки! Говорят же вам, в кафе надо идти! А вы, конечно, поперлись черт-те куда.

И вот мы снова едем, опять следы мини-человечков на обмороженной слюде трамвайных стекол, опять беготня по этажам от злых вахтерш и каких-то к ним прилепившихся сторожей. Опять, в общем, облом: нет ни кафе, ни «Дональдов».

«Да я же вам говорил, что в кафе около Дома офицеров! Идиоты! ОКОЛО, а не В!»

В третью поездку узнали мы, что кончились «Дональды», были, но кончились, раньше надо было приезжать. Не судьба. Кстати, а куда там делся Чаушеску из политинформации?

Незадолго до сокращения с работы матери выделяют долю в четырехкомнатной квартире, которую мы, объединившись с другими совладельцами, размениваем и въезжаем в маленькую, старую, убогую, но свою двухкомнатную хрущевку. У меня появляется своя комната и тумбочка, в которой я храню уже довольно увесистую пачку вкладышей от «Дональдов». Значит, можно, уединившись, перебирать и подолгу, словно Скупой рыцарь, рассматривать свои сокровища.

Весной 90-го около нашей школы открыли «комок», так в те годы, весьма недолго, называли коммерческие магазины, используя то же наименование, ранее, в 60–70-е годы, относившееся к магазинам комиссионным. Молнией пронесется по коридорам новость: «Дональды» в этом комке можно купить по цене 91 копейка за штуку. Просто так! То есть без всяких цыган и унижений. Приносишь свой кровный рубль, отдаешь его продавщице, а она тебе, мало того, что «Дональд» вручает, так еще и 9 копеек сдачи. Невероятно! Цена, впрочем, стала вскоре расти, а денег на обеды нам давали все реже.

1991 год начался с показа «Утиных историй» на советском телевидении. По воскресеньям на полтора часа улицы нашего города пустели, семьи объединялись ради совместного просмотра приключений трех забавных утят и их капиталиста дяди. Был там и Дональд, правда, какой-то не совсем такой, как во вкладышах, какой-то одновременно подурневший, поглупевший и помолодевший что ли. Появлялся в мультфильмах он нечасто, да и то только, чтобы попасть в какую-нибудь нелепую ситуацию. Пусть и такой, но это был он, Дональд, теперь еженедельно приходивший в наши пропахшие дихлофосом квартиры.

Комков становилось все больше, а денег – все меньше. Помню, как летом 91-го я колесил на своем велосипеде по городу в поисках хлеба, а наткнулся на табачный бунт. Бунтовали наши отцы, отчаявшиеся прокормить детей и уволенных жен, бунтовали, требуя от обреченной уже власти хотя бы сигарет, чтоб не так тошно было. Бунтовали на центральной площади города, там, где за каких-то пару лет до того их дети наивно рассчитывали встретить сердобольных иностранцев. Сигареты меня не интересовали, мама отправила меня с заданием найти

«хоть буханочку», но купить мне тогда удалось лишь печенье. По дороге встретил парней из параллельного класса. Им повезло, отстояв приличную очередь, «оторвать» по паре батончиков «на рыло». Перепродать мне хотя бы один из четырех отказались. А обменять? На вкладыши от «Дональдов»? Конечно!!! Что ж, пришло, значит, мое время возвращать долги родителям. Счастливый, еду домой. На обратном пути опять замечаю толпу. Опять, что ли, бунт? Нет, это наши советские люди штурмуют книжный магазин, в котором продают книгу с загадочными символами M&M на обложке.

Вот пишу это и почему-то стыжусь. Чего? Того, что деньги на «Дональды» тратил, а не на отраву столовскую? Да лучше жвачку было жевать, чем синие желтки заедать слипшейся лапшой! Нет, тут другое. Не за себя мне стыдно. Стыдно и жалко. Жалею я их, наших отцов, несчастное поколение конца сороковых – начала пятидесятых, сорок лет ничего в жизни не видевших, а в итоге, в большинстве своем, ни к чему не успевших. Если каждый из нас несет в себе частичку Родины, как учила нас «Правда-Зорька», то попрошу я у вас от себя, частички малой, прощение. За коммуналки, хрущевки, дихлофос, пьянство ваше, болезни, очереди, дефицит всего, за то, что моря никогда не видели, за то, что в детстве мультики про Дональда не смотрели, – за все, в общем, простите меня.

А то ведь уже и некому вроде как извиняться. Куда-то внезапно посреди зимы, словно заблудившись в метели, исчезла наша дурная, прекрасная, воинственная, миролюбивая, являвшаяся оплотом, опутанная со всех сторон проволокой, производившая больше всех в мире всего, кроме нормальных товаров, полная ментов и гаишников, плановых отделов, самая читающая и самая прекрасная на всем белом свете Родина. Вместе с ней куда-то исчезла и моя коллекция вкладышей.

Старший сын мой недавно стал увлекаться жвачками. Десять лет все-таки парню, пора. Покупает и хвастается: вот с ментолом, вот с клубникой, вот с мятой. Ну что это такое? Разве же это жвачка?! Говно это, а не жвачка, сынок! Ни вкладыша, ни души. По правде сказать, советские аналоги этой «жевани», как вы там говорите, молодое поколение, получше были. Объясняю, что вот раньше мы покупали такие потрясающие жвачки, «Дональды» назывались. Они и по форме были интересней, и по вкусу, а еще там была такая специальная бумажка внутри с мини-мультиком. Сын слушает завороченно и требует немедленно купить «Дональд» в интернет-магазине. Сидим с ним перед компьютером и ищем, да находим все не то. Вроде и есть они, да не той формы, да без вкладышей, да в какой-то коробке дурацкой... Где-то на форуме вычитали, что можно найти «Дональды» на «Гаче» – это такой мини-рынок, на котором утром можно купить украденную у тебя ночью из автомобиля панель от проигрывателя. Очень удобно, кстати: приходишь туда, выбираешь, вот она, родная. Сколько хотите за мою панельку?

Идти к «Гаче» надо от Центрального рынка через подземный переход, тот самый, по которому мы когда-то убегали от злых подростков, сжимая в руках наши сокровища. Мы ищем, спрашиваем, нас куда-то посылают. Переспрашивают. Какие еще «Дональды»? Но вот что-то там мелькнуло у одного из продавцов. Подходим, лелея надежду. Да! Они!!! Дайте... штук десять... или нет... двадцать... а сколько их у вас вообще? А это старые? Такие, как раньше?! Настоящие?!! Складываем приобретение в сумку, кроме двух: один мне, другой сыну. Вскрываем прямо тут же, разворачиваем и, едва начав жевать, утыкаемся глазами в «чужой» вкладыш: что там у тебя?

Вадим Юрятин
Июль 2016 г.

Из жизни уродов

Пробуждение было одним из немногих моментов, которые нравились Андрею. В этот короткий промежуток времени между освобождающим сном и неизбежным днем можно было поймать на мгновение ощущение «нормальности», когда лежащему с закрытыми глазами Андрею казалось, что он здоров. «Первое волшебное состояние», как называл это он сам. Потом просыпались нервы, и во все стороны по телу начинали разбегаться тонкие, поначалу даже приятные укольчики. Свои нервы Андрей чувствовал гораздо лучше, чем, скажем, ноги, постоянно подводившие его. Сеточку нервов он представлял себе крыльями, правда, скорее это были крылья дельтаплана, чем самолета, в том смысле, что управлял ими больше ветер, чем пилот. Скоро крылья, пока еще слабо трепещущие, наберут побольше воздуха и понесут его вперед, чтобы ближе к ночи рваными и истрепанными замереть где-то внутри, завершая дневные мучения. Но это потом, а пока мама поглаживала Андрею руку, и он сквозь закрытые глаза представлял себе ее, нежно шурящуюся.

– Вставай, Андрей, тебе на работу пора.

Это была его третья попытка начать зарабатывать тем единственным, что он умел делать. Предыдущие два раза закончились тем, что его вежливо попросили покинуть трудовой коллектив, едва завидев первые проявления болезни. Здесь же на него, казалось, вообще никто не обращал внимания. Месяц назад Андрей честно сказал на собеседовании: «Я больной. Я могу внезапно руками замахать или побежать куда-то...»

– Знаешь, мы все тут немного больные, захочешь бежать – беги, главное – код пиши, – ответил бородатый тридцатилетний директор, поправляя мятую майку.

– В «Сказку» не забудь зайти после работы, – напомнила мама.

Дорога хоть и занимала полчаса, он предпочитал ходьбу общественному транспорту, немного страшась закрывающихся дверей.

Его день начинался с пустынных утренних коридоров офиса, где он был один на один с кофемашиной, похожей на огромное, покрытое серебристой броней насекомое. Его притягивал полумрак, в котором можно было пребывать полчаса-час, пока наконец не начинали подходить его коллеги – хмурые, небритые, пахнущие только что выкуренными сигаретами программисты.

Под вечер пришло СМС с уведомлением о первой зарплате. Сумма показалась Андрею удивительно большой, так что ему даже захотелось сходить в бухгалтерию, спросить, не ошиблись ли, но по плану у него была «Сказка», так что разговор так и не состоялся.

Как она появилась здесь, стройная и рыжая, совершенно немыслимая в интерьере клиники? С девушками у Андрея до сих пор было никак, поэтому, о чем говорить, он не знал, но все равно заговорил, пробубнив что-то совершенно нечленораздельное. Она улыбнулась в ответ.

– Меня Светланой зовут, а тебя? Ты тут новенький?

Андрей представился и объяснил, что они с мамой недавно переехали.

– Что у тебя?

Он рассказал ей, она, в свою очередь, поделилась своими особенностями, которые, впрочем, были хорошо видны и без пояснений: прямо во время разговора лицо девушки внезапно искривлялось, словно в натужной, неестественной улыбке, а голова при этом легко подрагивала.

– Что пьешь?

Он начал перечислять, список был длинный. Она же, к его удивлению, принципиально ничего не употребляла.

– Все равно не помогает, только печень убиваешь. Тебя они этой отравой вылечили, что ли?

Слов было немного, больше – взглядов. Андрей не любил много говорить: сразу вспоминалась пытка чтением стихов перед классом.

– Придешь сюда завтра?

До встречи со Светой в его жизни были, не считая работы, только плавание, которым он занимался с пяти лет, и ноутбук. Плавание давало возможность нагрузить мышцы до такой степени, что они через некоторое время отключались от усталости. Ноутбук был для него всем остальным.

Теперь же Андрей, словно «нормальный», ходил вместе со Светой по улицам, побывал с ней в кафе, где с непривычки опрокинул приборы; вдыхал черноту кинозала, откуда вскоре выбежал, почувствовав приближение приступа. По вечерам они гуляли, он осторожно держал ее за кончики пальцев, она обмахивалась веточкой сирени, говорили мало, и то – всякую чепуху:

– Знаешь, мне порой кажется, что у меня крылья есть.

– А у меня – улыбка.

Со следующей зарплаты он собирался купить новый ноутбук и подвеску. «Для моей девушки», – пробовал на вкус невероятные слова, засыпая.

Предложение Светы съездить на дачу ему сразу не понравилось: во-первых, май, да и вообще весна – не его сезон, во-вторых, вода ведь холодная. Все равно послушно поехал с ней на электричке, всю дорогу крепко сжимая зубы и кулаки, чтобы не сорваться.

Ее фигурка – небесная красота восемнадцатилетия, подчеркнутая смелым салатным купальником, – казалась особенно хрупкой рядом с его широкими плечами, как горящая рыжим огнем спичка в колодце коробка и рук прикуривающего. Андрей смущался и пытался сопротивляться ее попыткам затащить его в воду. Внезапно пришли какие-то парни, местные и противные, мерзко хихикая, кружили в отдалении, потом стали приближаться. Андрей предупредительно вышел навстречу, от чего парни предпочли уйти, один из них, впрочем, оставил напоследок сквозь ухмылку (приглядевшись):

– Уроды.

Дома у Светы пахло зашторенным окном, за которым трамвай брякал колодками об асфальт. От нее шел ток, грозивший коротнуть у него внутри.

– Андрюша, у нас же с тобой отношения...

Чертов май все никак не кончался! Крошечный огонек, вспыхнув, прожег изнутри дырку, и вот потекло наружу раздражение.

– Какие отношения?! Зарисовка из жизни уродов.

Она обнимала его, пытаясь расслабить. Говорили все тише, губы в губы, глаза в глаза.

– А вдруг я вздрогну, ногой махну, ты же знаешь, как я... и... застряну в тебе?

Огонек разбудил крылья, дыхание убыстрялось.

– Ну, значит, будем, как собачки, бродить друг за другом, – улыбнулась она.

– Какие еще собачки?

Легкие уже горят, крылья ищут воздух.

– Застрянь во мне.

«Ну почему сейчас? Отпустите меня, пожалуйста!»

Он держался, сколько мог, стараясь потушить пожар, но стало совсем жарко, и со всех сторон полезли лики: презрительный взгляд учительницы, смешки учеников, гримаса отвращения официантки, противно-деревенские мины парней, жалостливое лицо мамы. Крылья готовы распрямиться и полететь, он же, ведомый, знает, что скоро побежит, и будет бежать долго-долго, пока не устанет, и очнется где-нибудь под кустом в парке, собираясь с силами, чтобы позвонить маме. Но крылья почему-то все не раскрывались, как будто кто-то набросил на него мешок, пытаясь придавить их и погасить пожар. Минута прошла, две, десять?

Андрей почувствовал, что его отпускает: вот он уже может дышать, сначала часто, потом все более мерно, вот он понимает, что стоит на ногах, стоит, а не бежит. Чудесное возвращение в занимаемую точку пространства. Чуть позже он увидит Свету, обнимающую его изо всех сил, тоненькую, наивно полагающую, что сможет удержать его, здорового двадцатидвухлетнего парня, «здорового», впрочем, лишь в одном значении. Света, увидев перемену на лице Андрея, отклеилась от него на мгновение, а потом медленно, но уверенно провела ладонями сверху вниз вдоль его опущенных рук. «Сняла», – первое, что подумал Андрей, «вернувшись». Наступало «второе волшебное состояние», продолжительность которого Андрей мог рассчитать лишь приблизительно. «Хоть бы до утра!» Но гарантий не было никаких, оба это молча понимали. Это молчаливое взаимопонимание, возникшее в первый же день их странного двухнедельного романа, эти зеленые, неотрывно на него смотрящие глаза наполняли Андрея неизвестным ему доселе чувством уверенности, но и не только. Были еще и другие чувства, в которых еще предстояло разобраться. Но сейчас было не до того. Оценив состояние Андрея, Света начала движение.левой рукой она тянула за собой Андрея, правой пыталась на ходу снять платье. Андрей оставил позади ненужные крылья и без колебаний пошел вперед.

Вадим Юрятин

Май 2016 г.

Кактус

– Вот он, папа!

Шестилетний Игнат гордо держал над головой горшок с растением. Это был невысокий кактус, сантиметров семь-восемь, с зеленым основанием и тремя выпуклостями, выступающими на сантиметр от сердцевины, увенчанный небольшой шарообразной «шапочкой» красного цвета.

– Игнаша, давай скорее.

– А внутри они горькие-горькие, нам воспитательница рассказывала, – Игнат скорчил жуткую гримасу.

Папа торопился и слушал сына вполуха, думая более о том, что надо успеть в перерыве между укладыванием Игнаши в кроватку и собственным засыпанием закончить презентацию.

– Папа, а ты тоже колючий, как кактус, – Игнат положил обе руки отцу на подбородок.

– Игнаша, одевайся, пожалуйста. Мне домой надо быстрее, – голос Папы приобрел умоляющий оттенок.

– А ты знаешь, что у нас дома такой же есть?

Папа не помнил.

– Одевайся, родной.

– Папа, а где мой свитер?

По дороге от садика до дома под ногами приятно хрустел снег, наполняя Папу воспоминаниями о том времени, когда его самого вот так же водил домой дедушка, который тоже все время куда-то торопился, хотя вот куда ему было торопиться, презентухи-то ему клепать не приходилось. Какой-нибудь план, наверное, надо было перевыполнить, чтобы знамя переходящее получить. Где-то вдалеке, над головами Папы и сына на огромном экране рекламный Санта-Клаус погонял лошадок, везущих кока-колы полный воз.

Дома Папа внезапно для себя обнаружил, что кактус-двойник в их жилище действительно обитает, более того, находится он в их с женой спальне. А, судя по пояснению жены, кактус этот с каким-то причудливым и невыговариваемым названием, которое Папа нашел в Интернете, долго повторял, но почти немедленно после запоминания забыл, был подарен Папой Маме на ее день рождения несколько лет назад.

Пытаясь полностью посвятить себя написанию презентации, которую надо было успеть подготовить до Нового года, Папа тем не менее постоянно бросал взгляд на видневшийся за занавеской силуэт. Наконец не выдержал и подошел поближе. Выглядел кактус, надо сказать, похуже, чем его детсадовский собрат. Горшок, в котором обитал кактус «домашний», был заметно меньше, так что даже человеку далекому от ботаники было очевидно, что нужна срочная пересадка. Ко всему прочему земли в этом тесном кактусовом жилище было явно недостаточно. За те несколько лет, что прошли с забытого Папой дня рождения Мамы, кактус съел почти половину грунта. Папа попытался вспомнить, поливал ли он когда-нибудь этот подарок, и, судя по тишине в голове, единственной надеждой на выживание для кактуса была Мама.

– Папа, а ты полежишь со мной?!

Игнат повторил свой вопрос несколько раз, поэтому, несмотря на то что Папа всеми силами пытался продемонстрировать, что ничего не слышит, что его это не касается и что вообще его здесь нет, в конце концов все же не выдержал, закрыл ноутбук и послушно поплелся в детскую.

Сын мертвой хваткой обвил Папины руки, что обещало длительный «плен» и нескорое завершение работы над презентацией.

– Папа, а как называется этот кактус?

– Арагвиус Верициталис, – придумал Папа, чтобы отделаться. Сына эта информация не заинтересовала.

– А ты видел, какая у него красная бамбошка?

Папа подумал, что про себя назвал бамбошку почему-то шанкром.

– Я думаю, Папа, что там у него мозги.

– По-твоему, кактус умеет думать?

– Конечно. А ты заметил, что у него на бамбошке колючек больше, чем на ножке?

Папа мысленно представил кактус: коричневое основание горшка, зеленое треножие, красный шанкр-бамбошка. И действительно, вершинка была густо облеплена колючим пушком и напоминала обритую голову заключенного, в то время как нижняя часть, скорее, была похожа на первую поросль на щеке подростка, то там, то тут проявляющуюся безо всякой логики и симметрии.

– А кактус на что похож?

«Господи, ну на что он может быть похож...»

– На шило, – ляпнул Папа невпопад.

– Которое в попе?

– Что, Игнаша?

– Мне дедушка говорит, что шило в попе не утаишь.

– Дедушке твоему язык бы иногда держать за зубами.

– А дедушка к нам на Новый год приедет? А шило – это что?

– Возможно. Это типа отвертки, только с острой такой штукой.

– А зачем?

– Чтобы дырки делать.

– А чем еще можно дырки делать?

– Компостером.

– Чем?

– Это такая железка квадратная, которая раньше в билетах дырки делала. А билет – это такая маленькая бумажка, которую давали, чтобы в автобусе проехать. А автобус – это такая машина, где много-много дяденек и тетенок едут на работу.

Игнат какое-то время переваривал ответ Папы, содержащий море неизвестной информации. Папа наивно надеялся, что ребенок засыпает.

– Папа, а кто сильнее: кактус или шило?

– Игнат, спи.

– А ты бы кем хотел стать: человеком-кактусом или человеком-шиллом?

– Я бы хотел быть человеком-компостером.

Папа уже почти пятнадцать минут лежал в обнимку с сыном, боясь пошевелиться. Предыдущие две попытки выбраться из полусонных объятий отпрыска привели лишь к тому, что Игнат прижимался к отцу еще сильнее, поэтому отец твердо решил дождаться того момента, когда сын ТОЧНО уснет. Снова задумался о кактусе. Своим обликом он напоминал Папе Домкнижку на Новом Арбате. Раньше, в Папином детстве, там располагался Совет экономической

взаимопомощи, потом – мэрия, а сейчас... вроде бы что-то правительственное, но что точно, Папа не знал.

С приходом ночи наступало время кактусов. Об этом мало кто знает, но кактусы вида Арагвиус Верициталис в темное время суток умеют вселяться как в живые организмы, например в людей или кошек, так и в различные предметы. Кактус из детского сада отделил свою духовную сущность от вещественной оболочки и полетел по следу Игната. Кактус из спальни Папы с Мамой решил на время вселиться в Дом-книжку с Нового Арбата.

Дом-книжка осознал себя кактусом довольно быстро, внешне это проявлялось в том, что Дом, во-первых, позеленел, а во-вторых, сверху на нем стремительно стал расти гигантский нарост из красных рекламных огней, где розовощекий Санта-Клаус в красной шубе погонял упряжку, груженную кока-колой. Приняв новую личину, Дом-кактус оглянулся вокруг. Под «ногами» у него ничего особенно примечательного в этот поздний час не было: автомобили, светофоры, мост. Переместив фокус на предметы, стоявшие чуть дальше, Дом-кактус насто-рожился: прямо напротив него сиял белыми огнями Дом Правительства.

Детсадовский кактус, ловко уменьшившись до размера комара, тем временем безошибочно вычислил Игнатову квартиру, к которой его вели свежие следы на только что выпавшем снегу, и, влетев на полной скорости в замочную скважину, со всего маха вонзился в голову спящего ребенка. Игнат-кактус стал преображаться: волосы мгновенно встали дыбом и превратились в колючки, руки сначала позеленели, а потом отпали, на теле появились длинные шипы. Игнат-кактус обрадовался своему чудесному превращению и пытался понять, какими же суперспособностями он теперь обладает, а также с каким же злодеем ему предстоит сразиться. Злодей, кстати, не заставил себя долго ждать: на пороге Игнатовой комнаты появилось Шило. Игнат-кактус раньше не встречал живого Шила, поэтому существо это скорее напоминало все-таки отвертку, из ручки которой, помимо собственно отверточного наконечника, торчала еще одна «острая такая штука», направленная чуть в сторону и похожая больше на нож, чем на шило. Но Игнат-кактус не сомневался: перед ним Шило-злодей.

Определив местоположение противника, Дом-кактус потихоньку, чтобы не разбудить спящий в нем персонал, но уверенно, чтобы сразу обозначить, кто тут главный, вытащил правую ногу-стилобатину из грунта и, убедившись, что никто вроде бы ничего не заметил, шагнул по направлению к набережной. Дом Правительства слегка встревожился, но поначалу вида не подал, продолжая смотреть прямо перед собой белыми огнями фонарей. В минуту опасности, когда Дом-кактус подошел совсем уже близко, на расстояние двух десятков этажей, Дом Правительства «ожил», надстроенная параллелепипедно-овальная часть его отползла вверх, левитируя в воздухе и обнажив огромные круглые выдолбы, угрожающе торчащие из основания: Дому-кактусу предстояло сразиться с Домом-компостером.

Человек-шило боролся с человеком-кактусом, швыряя в того острые шипы, которые летели со скоростью пули, а попав в тело врага, начинали облеплять его, разрастаясь и превращаясь в белые бумажные шарики. Шило вертелось, как уж, пытаясь острым своим выступом отодрать прикрепляющиеся наросты.

Доминантой на территории набережной мог быть лишь один. Беда в том, что никто не хотел уступать, поэтому они бились с отчаянной храбростью диких котов. Стекло и бетон летали над городом, падая в Москву-реку и на проезжающие автомобили. Несчастные охранники, которым не повезло со сменой, изо всех сил держались за свои столы, чтобы не вылететь в окна. Дом-кактус старался, максимально нагнувшись, боднуть Дом-компостер в «живот» своей красной неоновой шишечкой, что сделать было невероятно сложно: с одной стороны, Дому-кактусу надо было удерживать равновесие, чтобы не шлепнуться плашмя на набережную, с другой – Дом-компостер, предчувствуя удар соперника, почти всегда вовремя подбра-

сывал свою верхнюю часть, уходя от удара и на возвратном движении еще и успевая долбануть того по «шанкру» своими гигантскими компостерными точками.

Кактус и Шило в ожесточении боя не заметили, как вылетели в слегка приоткрытое окно и продолжили сражение в воздухе, они неслись по ночному городу, позабыв обо всем на свете. Вокруг них летали осколки стекла и бетона, мелькали огни рекламы, но Кактус с Шилом были увлечены лишь своей битвой. Утомленные, они на мгновение сели на ярко-красный шар, чтобы перевести дух и через минуту продолжить.

Дом-кактус, готовясь к очередному удару, краем кока-кольного «глаза» успел разглядеть, как какая-то истекающая зеленой муха вместе с раздвоенной отверткой, покрытой обрывками бумаги, еле заметные посреди наличествующего гигантизма, на мгновение приземлились на ярко-красное пятно санта-клаусовской шубы. Впрочем, мгновения как раз и хватило для того, чтобы центр тяжести Дома-кактуса сместился чуть вперед и вся «книжка» начала валиться прямо под ноги Компостеру, яростно и радостно принявшемуся дырять своего противника. Голова-шанкр разлетелась вдребезги, рассыпая по сторонам электрические брызги, что означало окончательный крах Дома-кактуса и, возможно, символизировало что-то политически. Испуганные «козявки» – зеленый сокоточащий кактус и его двуликий недруг – успели смыться, как только почуяли, что приютившая их красная голова стала падать.

Немедленно после окончания боевых действий души кактусов вернулись восвояси, одна – в детсад, другая – в комнату к Папе с Мамой, Дом Правительства принял первоначальное положение, спрятав круглые свои «тыкалки» глубоко в стилобат, Дом-книжка так и продолжал лежать, перегородив дорогу, создавая пробку несчастным москвичам, и без того страдающим от перегруженности путей сообщения. Позже ученые провели экспертизу, указав на какие-то грунты, близость метро, в общем, обосновав падение многотонной громадины научно. Ну а Шило? Судьба его неизвестна, наверное, вонзилось кому-нибудь в причинное место или... чего там еще бывает с шилами...

На том история с кактусами и закончилась. Очевидцы, впрочем, немногочисленные, к тому же все сплошь пьяные, говорят, что видели, как незадолго до падения Дома-кактуса из его искрящейся головы вылетели сани, управляемые каким-то бородатым мужиком в красном, и, роняя на набережную бутылки с газировкой, понеслись куда-то вдаль, но разве можно в такое поверить?

Вадим Юрятин
Март 2016 г.

Устройство мира

22 июня 2013 года около полудня я узнал, как устроен мир. Мне рассказал об этом один маленький человек, которого я подобрал от одной остановки – автобусной до другой – железнодорожной. Я плохо помню его внешность, наверное, потому, что толком на него и не смотрел, большую часть нашего диалога я провел, вглядываясь то в себя, то в дорогу. Точно запомнил только, что одет человек был в пятнистую куртку и такие же штаны – распространенную в наших краях униформу военных, охотников и рыболовов. На голове у человека была кепка, тоже хаки, которую он все время теребил. Еще при нем был огромный, одного роста со своим владельцем, рюкзак.

Жаркий летний день проникает сквозь зеленоватое стекло и нагревает внутренности автомобиля, кондиционер изо всех сил борется с теплом, разбрызгивая по салону ледяной холод. Дорога стреляет в меня белыми трассирующими пулями разметки, которую я периодически пересекаю, уворачиваясь от колдобин.

Маленький человек голосует прямо у обочины, чуть в стороне от остановки, где в тени под козырьком прячется еще несколько бедолаг, а когда я останавливаюсь, съехав в сторону, он почему-то удивляется и долго еще благодарит уже потом, в пути, все никак не веря в то, что мы действительно едем в одной машине. Рюкзак с трудом впиливается в багажник, так что приходится даже опустить задние сидения, чтобы эта громадина влезла наконец внутрь. Маленький человек осторожно садится на соседнее со мной место, стараясь занять как можно меньше пространства.

От него пахнет приближающейся старостью, свежестиранной выглаженной одеждой, дорогами.

– Путешествуете? – спрашиваю, уточняя конечную точку его маршрута, и украдкой гляжу на экран мобильного.

Из ответа человека следует, что ехать нам с ним вместе примерно около часа. Потом человек должен сесть на поезд и поехать еще куда-то, чтобы уже оттуда долго-долго идти пешком. Профессиональный пенсионер-путешественник.

– А вы чем занимаетесь? – спрашивает он меня в свою очередь.

Я немного медлю, глядя влево, благо скорость небольшая, позволяет, а потом говорю, что сотрудничаю с одной крупной компанией, которая продает кресла для самолетов. Когда незнакомые люди спрашивают о роде моих занятий, я обычно придумываю какую-нибудь чушь, стесняясь того, чем занимаюсь на самом деле, и с интересом вглядываюсь в собеседника: проглотит?

– Прекрасно. Значит, у нас с вами много общего.

Общего у нас с ним нет, на мой взгляд, ничего.

– Только вы сегодня не продавайте, пожалуйста, эти ваши кресла. Сегодня день такой, грядет смена полей в шрастре. Наступает новая эра, понимаете? В такие дни нельзя ничего продавать, может потеряться эфирное тепло, а это уже сказывается на всем. Вот сядет человек

в самолет с вашими креслами – и все! Бац – и катастрофа! Вот вы думаете, отчего самолеты падают? Да вот из-за этого.

Люблю таких, искренних, несущих всякую чушь.

– Да вы что? Это ж всем известно! Это ж предсказано! Сейчас мы живем на исходе пятой эпохи, грядет шестая, потом седьмая. А до того была четвертая. Ну, если с самого начала, конечно, идти, то сперва была Великая эпоха, ее еще по-другому называют Несокрушимой страной, когда Изначальный дух носился над землей, ну это как в Библии описано, вы ж читали, видно, что интеллигентный человек, так вот, носился он, носился, а потом создал уже Гиперборею, где появились первые люди, даже не люди, а именно гиперборейцы, понимаете, первая раса, причем миллионы лет назад они жили уже в огромных поселениях...

Как бы смазать, стереть на фиг эту постылую печать «интеллигентного человека»? Пить больше? Думать меньше?

Мы едем вдоль великой уральской реки. Я выражаю небольшое сомнение по поводу того, что «дух носящийся» и Гиперборея как-то могут быть связаны.

– Все со всем связано! И все со всеми. Мы с вами тоже в какой-то мере гиперборейцы, отчасти лемурийцы. Вы вот своих предков знаете? Вы помните своих прадедов? А знать надо гораздо глубже, понимаете, не обязательно очень уж глубоко, но все же. Вот, например, откуда люди появились в этих краях, вы не задумывались?

Я говорю, что слышал, будто бы где-то недалеко от этих мест родился Заратустра, но только это скорее легенда, а так, жили здесь, наверное, какие-нибудь охотники, на мамонта с собаками ходили.

Человечек внезапно радуется затронутой теме.

– Кстати, а вы знаете, как люди приручили собаку? Вы же понимаете, что все эти теории, будто бы собак били, привязывали, голодом морили, – это глупости полные? На самом деле, разумеется, все было иначе. Есть одна легенда, а, как вы понимаете, легенда – это не совсем легенда...

Человечек выдает еще порцию информации в том же духе. Я жму плечами и чуть усмехаюсь, но так, чтоб не обидеть. Говорю, что это удел научного знания. Кстати, а как вся эта Гиперборея соотносится с наукой?

– Я вам про истину, а вы мне про науку! А первые гиперборейцы, надо вам сказать, были огромные, высотой в девять метров. Откуда я знаю? Дак это ж написано все! Вы знаете, гиперборейцы обладали не только огромным ростом, их цивилизация владела удивительными даже для нашего времени знаниями. Потом последующие расы уже стали мельчать как ростом, так и интеллектом.

Удивляюсь, как это так «стали мельчать».

– Да это же проще простого! Тело гипербореев было более астральным, чем физическим, тела представителей последующих рас сгущались, в них все меньше было астрального, но все больше физического, понимаете? Так они постепенно уменьшались и стали в итоге нами.

Я не вижу, но чувствую щекой, как он смотрит на меня победно: все ведь вроде разжевал.

– Согласитесь, что это куда более реалистичная теория в сравнении со всякой ерундой про обезьян.

Уходит, уходит человечек куда-то, хоть и сидит рядом, то напяливая кепку свою, то, наоборот, снимая, а точнее сказать, это я начинаю терять с ним контакт. Справа за полями, недостроенными дачными поселками начинается лес, вглубь него ведет пыльная песчаная дорога, упирающаяся в небо, но под небом, я знаю, крутой обрыв, а дальше – река.

– А вы знаете, что там? – показываю рукой вправо, прерывая его очередной пассаж про наших предков всезнающих и нас, лилипутов-перерожденцев. – Там когда-то был берег моря. Вот буквально в километре отсюда сидел какой-то наш предок на этом высоком берегу, слушал шум моря, слизывал его соль со своих губ. Я не говорю «человек», я говорю «предок», вам

это должно быть близко, а когда здесь появились люди, то моря они уже не застали, оно ушло, оставив вместо себя во впадине рядом с берегом реку.

Молчание с правой стороны удивленное, но краткое.

– То, о чем вы говорите, это уже относится к эпохе поздних атлантов, – опять продолжает свою лекцию человек после трехсекундной паузы.

Осторожно возражаю ему, что, дескать, его гиперборейцы, сжимающиеся до атлантов, и так далее – это все не похоже на историю, то есть на настоящую историю, то есть такую историю, которая бы отражала последовательный процесс...

– Хорошо, а как бы вы описали в целом историю нашей брамфатуры?

На всякий случай поясняет отличие брамфатуры от шрастра.

Левая рука одновременно горит от солнечных лучей и мерзнет от ледяной струи воздуха, летящей из кондиционера. Я зачем-то читаю человеку лекцию, в которой мелькают такие слова, как «первичный бульон», «падение комет», «Гондвана», «динозавры», «палеолит». Я умею говорить. Могу говорить долго и нудно. Я профессиональное трепло. Человек кивает.

Почему-то раздражаюсь.

– А давайте свернем туда, посмотрим? Берег, реку? Вы торопитесь? – спрашиваю, гася раздражение.

Человечку надо успеть на электричку, но до нее еще три часа, я его уверяю, что успеем, мы сворачиваем и едем высохшими пыльными буграми к лесу, за которым обрыв. Выхожу из машины и бессознательно, по многолетней уральской привычке, подворачиваю нижние края брюк, вставляя их в носки. Черные начищенные ботинки шлепают по зелени и желтизне дорожки, сверху на них стыдливо глядят «беременные» брючины. Прохожу несколько метров и вдруг понимаю, что забыл телефон в машине. Мгновение размышляю, возвращаться или нет (на кой черт мне, в общем-то, мобильник в лесу?), и, конечно же, бреду назад, неваляшкой падаю на водительское кресло, достаю эту штуку электронную и бегом обратно к человеку.

– Там внизу пещеры, где жили древние люди, – поясняю, отгоняя рукой комаров. Откуда я это взял? Сроду здесь не был, хотя проезжал мимо сто раз.

Человек радостно плетется позади и что-то бормочет свое, гиперборейское.

У меня так часто бывает: вроде бы смотрю на одно, а вижу другое, не глазами, каким-то иным органом чувств. Впереди вроде бы непроходимая груда валежника, а передо мной – Охотник.

Сначала Охотник натаскал хвороста, потом поверх накидал веток потолще, а уже на них сложил всех умерших. Их было немного, всего-то четверо, остальные ушли еще раньше. Болезнь выкосила их племя за две луны. Еще прошлой весной, чтобы сосчитать всех, не хватало пальцев на руках и ногах, но потом начался кашель, родные начали слабеть и улетать один за другим в Страну Звезд.

Снаряжаясь в путь, Охотник завернул в шкуру, снятую со Старого, острогу, топор, нож и Тяжелый Камешек. Посмотрел на улетающие в небо угольки души своих родных, закинул за спину шкуру с инструментами. Когда последние красные лепестки утонули в небе, Охотник двинулся Туда, Где Тепло. Там живет другой род, ему говорил об этом Старый, а Старый знал, как устроен этот мир.

Идти надо было по льду замерзшей реки, которая течет Оттуда, Где Холодно.

Надо было торопиться, потому что солнце грело все сильнее, отражаясь в миллионах льдинок, так что Охотник все время щурился, но цель он видел – там, далеко впереди, за окончанием белой дороги чернел берег.

Вечером, когда Охотник ловил рыбу в промоине, он почувствовал чей-то взгляд, ковырявший его спину. Серая фигура неуверенно приближалась, словно скользя по белой плоскости.

Охотник не боялся волков, ему уже приходилось их убивать, на его шее висело несколько волчьих зубов, которые, как говорил Старый, отгоняли духов. Ко всему прочему, Охотник сразу понял, что волк болен, он слегка волочил правую заднюю лапу, вставал на нее вполсилы. Голодный волк внимательно следил за движениями одинокого человека.

Охотнику удалось поймать зазевавшуюся рыбку, приплывшую из темной глубины реки, чтобы взглянуть на солнце и глотнуть немного ветра. Рыбку Охотник выпотрошил, оставив волку вкусную кляксу кишок.

Ночью, первой ночью, проведенной им в одиночестве, лежа в ветвях прибрежного дерева, завернувшись в две шкуры – свою и Старого, Охотник вспоминал своих родных. Старый говорил, что души умерших не уходят совсем, их хранит ольха и другие деревья, бывает, что души переселяются в зверей, а еще в небесах навеки остаются их глаза. Охотник осторожно поворачивал Тяжелый Камешек в руке, любуясь его четкими гранями, ловил в них отражение глаз своих родных, разговаривал с ними. Волк устроился внизу, прикрыв нос хвостом.

«Ву, – негромко позвал Охотник. – Ву!»

Волк поднял морду и отозвался.

Некуда дальше идти. Сквозь бурелом и сгустившихся комаров с трудом добрались до неба, но о том, чтобы подойти к лежащей под ним воде, не смею и подумать. Нарастающее недовольство собой заставляет чувствовать себя неуютно. Сбрасываю звонок, не хочу говорить с кредиторами.

– Не пройти здесь.

– ...Поэтому-то до конца и не ясно, был ли Заратустра Христом или все-таки его другом и учителем из Тибета. Что?

– Я говорю, разворачиваемся. Не судьба. Кем-кем был Заратустра?

Прямо на крутом берегу растут огромные деревья: ольха, сосны, ели, березы, как-то умудряющиеся тянуться вверх, несмотря на крутой угол наклона поверхности земли. Смотрю вниз и вижу сплетенные ветви этих странно кривых деревьев. «Вот там он где-то и спал...»

– А вы замечаете, что погода меняется? – хитро улыбается маленький человек, поправляя кепку.

Ползем обратно к машине под продолжение его рассказа все о том же: боги и люди, эпохи и шрастры, начала и концы. «Как же он шел-то здесь, да еще и поздней весной?»

– Переход от одной эпохи, ко всему прочему, отмечается резким изменением климата. Вот что мы с вами наблюдаем в последнее время? Это как раз одно из следствий смены полей и перехода от одной главенствующей расы к другой.

Я, немного растерянный от того, что затея моя не удалась, бормочу что-то про то, что раса – это немного не совсем то слово, которое стоит употреблять. За ним шлейф из трупов.

– Вот вы совершенно верно говорите, – семенит за мной человечек, – но это все от чего? От непонимания сути. Как там поется? «Накатила суть!», понимаете? Вот у Гитлера она не накатила, теорию он взял в целом правильную, но совершенно все в ней перепутал. Дело в том, как бы это странно ни звучало, но вот евреи – они арийцам вроде как братья. Понимаете?! Тот же Авраам или, скажем, Зигмунд Фрейд... Да и вообще, если уж начистоту, то древние арии в метаисторическом понимании – это же прародители славян! Так что Борман со Штирлицем, точнее, с Исаевым, в общем-то...

– Вы это вообще серьезно все?

Он кивает, улыбается. Упоминание им строчки из песни «Аукциона» слегка удивляет и даже как-то настораживает, хотя должно было бы добавить чего-то вроде уважения.

Птицы пели по-особенному, предвещая теплый день. Охотник проснулся и, предварительно осмотревшись, спустился вниз. Закраина у берега зияла угрожающе широко, но Охот-

ник решил все равно идти по льду. Передвигаться по нему было проще, чем по бугристому берегу, находясь в постоянной борьбе с валезником и вязким снегом. Перепрыгнул через одну проталину, через другую, постепенно выбрался на твердый участок и побрел дальше.

Вскоре Охотник приметил и своего вчерашнего спутника. Волк и не собирался скрываться, плелся тихонько позади, хоть и прихрамывал, держась на уважительном расстоянии от Охотника.

Лед даже на середине реки помягчал и покрылся лужами. Стрежень уже пробивался кое-где, постепенно соединяя воедино цепочку светло-голубых впадин на середине реки.

Осторожно ползущий к полынье Охотник шептал реке слова, сжимал острогу и прицеливался. Духи услышали его и на этот раз, река сжалась и выплюнула из своего чрева двух рыбин. Одну Охотник съел сам, вторую швырнул волку.

Волк, тихонько рыча, низко опустив голову и при этом не спуская с Охотника глаз, полз к брошенной ему рыбине, но провалился в шаге от добычи. Отчаянно работая лапами, выбросив вверх фонтан ледяных брызг, волк выбрался из полыньи, схватил рыбу, но подскочил при этом слишком близко к Охотнику, по инерции продолжая движение вперед. Охотник помахал перед носом волка острогой и, издав глухой предупреждающий звук, показал зубы.

Под вечер трижды проваливавшийся в ледяную воду, усталый и озябший Охотник добрался наконец до кривых деревьев. Темный берег виден был уже совсем отчетливо. Завтра, чтобы найти своих новых братьев и сестер, он должен будет пересечь Теплую Реку, которая впадает в Реку Великую.

После захода солнца стало холодно, Охотник мог бы развести костер, стукнув Тяжелым Камешком о нож, вырубленный из Огненного Камня, но предпочел не шевелясь лежать в объятиях кривых деревьев. Охотнику не спалось. Что с ним, он не знал. Старый научил его всем словам, которые помнил, но слова «грусть», видно, тогда еще не было. Ветер качал Охотника. Звезды смотрели на него с черных граней Тяжелого Камешка. Охотник крутил его, надеясь снова разглядеть их глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.